

18+

СОФЬЯ ЛОРЕС-ГУРФИНКЕЛЬ

**ТРИ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ
О ТЕБЕ**

Софья Лорес-Гурфинкель

Три высказывания о тебе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69252016

ISBN 9785006004238

Аннотация

В отличие от первой книги С. Лорес-Гурфинкель, «Три высказывания о тебе» представляет собой сборник из девяти* сюжетных рассказов. О чём бы они ни поведали читателю, в первую очередь, они о любви: между двумя старшекласниками, между бывшими возлюбленными, разведенными судьбой, между телеведущим и джазовой дивой; о любви ученицы к преподавателю, падчерицы к бывшему отчиму; о любви зарождающейся и умирающей.*Девятый рассказ временно отсутствует из-за соображений цензуры

Содержание

Софья Лорес-Гурфинкель	5
Только музыка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Три высказывания о тебе

Софья Лорес-Гурфинкель

© Софья Лорес-Гурфинкель, 2023

ISBN 978-5-0060-0423-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Софья Лорес-Гурфинкель

Три высказывания о тебе

Только музыка

Следующая станция «Красные ворота»

Абсурдность сновидения

Песня для Учителя

Год Дракона

Три высказывания о тебе

Мальчик с антоновкой

31 ноября

Только музыка

Двузначное число в номере класса кажется Кире непросто непривычным, а пугающим и чужим. Не может она быть настолько взрослой! Перед школой уже толпятся, предвкушая торжественную линейку, младшие школьники с роскошными бантами, платьями, кудрями, костюмами, туфлями, с пышными букетами. Кому-то ещё предстоит провести в школе больше лет, чем они прожили. А для Киры эта линейка предпоследняя.

Дребезжащий трамвай резко тормозит, и, не успеваешь он остановиться, как двери-гармошки расползаются в стороны и складываются. Кира спускается, и двери за ней схлопываются, как звериная пасть, а из форточек доносится запоздалое объявление остановки. Кире надо пройти ещё полквартала. Холод волочется по асфальту, овевая ноги, а прощальное сентябрьское солнце припекает голову.

Перейдя дорогу, Кира выходит на финишную прямую маршрута, выученного за девять лет. Непростой путь на трамвае через два района преодолевается на автомате, поэтому у девушки остаётся время для размышлений и одиночества перед насыщенным людьми школьным днём. Сегодня день особенный – Кире предстоит встретиться с практически новым классом. Каждый год два девятого класса объединяли в один десятый: учеников становилось мало, поскольку

ку многие расходились по колледжам. Интересно, кто ушёл, а кто остался?

Но не менее родного класса её интересует теперь уже одиннадцатый. Этот класс всегда отличался своим снобизмом, а сейчас статус самых старших учащихся вовсе сделает их спесивыми. Прежде десятый и одиннадцатый классы бывали неразлучны, но как будет в этом году – неясно. Кира доходит до распахнутой калитки и переступает перекладину, о которую каждый спотыкается с непривычки. Классная руководитель, Валентина Петровна, женщина пожилого возраста, держа табличку с цифрой «10», переговаривается с коллегой, руководящей девятым классом, смеющимся слева от десятого. А справа Кира замечает и одиннадцатиклассников, которым происходящее опостылело немногим раньше, чем ей самой. Они равнодушно переговариваются, их загорелые лица контрастируют с белоснежными рубашками и зубами, которые они обнажают, смеясь над шутками друг друга. Кира встаёт позади одноклассников.

– Кирка, привет! – девушка вздрагивает от полузабытого голоса одноклассницы. Кира лепечет что-то похожее на «Привет, Наташа», та подходит поближе и одаривает нелепыми объятиями. – Как лето прошло? Где была?

– Нормально, в Москве была, – Кира пытается смягчить сухие интонации, но они, кажется, вовсе не расстраивают Наташу:

– Да ты что? Даже никуда не ездила? – сокрушается она.

Кира мотает головой. – А я вот была в Абхазии и в Черногории.

– Всем тихо! – шипит Валентина Петровна. – Не слышите – гимн играет!

Пристыжённая Наташа замолкает, а по двору прокатывается недовольное бурчание классных руководителей и обиженных замечаниями учеников. Гимн завершается, и к микрофону выходит директор, поднимается рецидивная волна возгласов пытающихся утихомирить детей учителей. Голос строгой Тамары Ивановны теряется в шуме толпы, а вдобавок ко всему микрофон начинает пронзительно пищать. После неё на импровизированную сцену выходит, по всей видимости, депутат и затягивает занудную речь. Кира от скуки начинает теревить ремешок от рюкзака.

Среди этих притворно радостных людей, Кира радуется ещё чему-то по-настоящему: скоро это мучение кончится, и она поедет к бабушке до воскресенья. Бабушка по телефону пообещала устроить какой-то сюрприз, и мысль об этом уже почти неделю успокаивает Киру. Как же хорошо, что сегодня пятница! Больше всего Кире нравятся бабушкины стряпня и проигрыватель виниловых пластинок. Бабушка им не пользуется и не всегда понимает, зачем Кире это пыльное барахло, купленное дедушкой ещё в глубокой молодости. Но Кира не позволила выбросить проигрыватель и, оказываясь у бабушки в гостях, ритуально протирает его и пластинки, а потом слушает музыку до позднего вечера. Она

ни за что не променяет лёгкий треск винила, как у поленьев в камине, на усиленные басы современных наушников. Конечно, в основном на бабушкиных полках стоят альбомы времён её молодости или юности Кириной мамы, но, среди Утёсова и Лещенко можно встретить Машину Времени и аляповатые советские издания битлов и Led Zeppelin лейбла «Мелодия». Кира лелеет мечту получить большие карманные деньги, чтобы купить хоть один из любимых альбомов, а не те пятьдесят рублей на сухую булочку в буфете.

Кира вспоминает о линейке. После нескольких плохо отрепетированных номеров, о которых выступающие явно узнали за два дня, классы начинают постепенно исчезать в дверях школы. Одиннадцатиклассники берут за руки одухотворённых и ничего не подозревающих первоклашек и ведут за собой. Очередь оказаться в ненавистных стенах нескоро дойдёт до десятого класса. Наташа, наболтавшись с другими девчонками, вновь цепляется к Кире:

– Кир, а как ты экзамены сдала? Прикинь, мне на биологии одного балла до пятёрки не хватило! Мама потом достала со своими упреками: «Меньше нужно со своими парнями гулять!»

– Сочувствую, – вздыхает Кира, повторяя про себя: «Осталось всего сорок пять минут!» Десятиклассники, расталкивая кого возможно, вваливаются в здание. Кира старается не отставать, но справа прилетает неожиданный удар.

– Куда прёшь? – кричат над ухом, отпихивая в сторону.

Главному задире школы, Паше Королёву, все и всё всегда мешает, ему ничего не стоит сделать из тебя предмет насмешек, обругать трёхэтажным матом, подставить или даже просто ударить рукой в спину. Он всех держит в страхе, каждый боится хоть одно слово сказать ему поперёк, а финансовое превосходство делает его практически всемогущим относительно всех остальных. Кире везёт, потому что пока Паша только толкает её, если она мешает ему пройти. Впрочем, ещё не вечер: им ещё один год учиться в соседних классах, пока он, наконец, не выпустится на радость всем.

Не успевает Кира опомниться от встречи с Пашей, как её подрезает другой одиннадцатиклассник, но тот, уверена Кира, не нарочно. Он даже бросает что-то похожее на «сорри». Она узнаёт его сразу: это Женя Алексеев. Им пришлось пообщаться всего лишь однажды, и чувство стыда за тот инцидент до сих пор не покидает Киру, хотя Женя, наверное, уже всё забыл. Это случилось в начале этой весны. Кира случайно оказалась в толпе одичавших школьников, жаждущих поскорее покурить за гаражами, которая внесла Киру в гардеробную. Возбуждённые мальчики и девочки с двух сторон сжали Киру, почти не оставив возможности дышать. Раздался рёв, и толпа двинулась назад, отшвырнув Киру в сторону. Пытаясь уберечься от болезненного падения, она ухватилась за первую попавшуюся куртку, но петля предательски оторвалась и полетела вниз вместе с девушкой. Из карманов, звеня, вывалилась мелочь. Послышались ехидные смешки,

кто-то провopil «Женька!», и вдруг над Киной вырос высокий парень. «Что тут произошло? – спросил Женя то ли строго, то ли весело. – Мелочь воруеть?» Кира поспешно поднялась. «Твоя куртка смягчила моё падение. Я расплачусь за это твоей же мелочью», – опустившись на корочки, она начала собирать мелочь, а парень, звонко, по-детски рассмеявшись, взял куртку. Кира высыпала монеты в большую Женину ладонь, и больше они никогда не разговаривали.

После скучных классных часов короткий школьный день кончается, и школьники расплзаются по домам, горевать о прошедшем лете или радоваться пятнице. Кире предстоит неблизкий путь к бабушке: трамваем, метро и электричкой. Она тешит себя мыслями о том, как она запрётся в тесной комнате, снимет запылённую крышку с электрофона, возьмёт большой блестящий чёрный круг, осторожно проведет по дорожке подушечкой пальца, снимая соринки. Где-то там встретит её бабушка, накормит ярко-красным борщом с домашней сметаной и в честь начала учебного года даст заветные три тысячи на карманные расходы.

– Бабушка! – изумится Кира. – Как же так, у тебя же пенсия совсем маленькая, а ты четверть отдаёшь мне! Я не могу принять деньги.

– Ну что ты, какие деньги, – ласково улыбнувшись, бабушка погладит внучку по голове. – Порадуй себя, а то подарков от меня совсем не получаешь.

– Но, как же... а на лекарства тебе хватит? – забеспоко-

ится Кира.

– Хватит, – бабушка кивнёт, – лучшее лекарство – это твоя радость.

Кира точно знает, что хочет купить. Об этом она думает давно. Ей давно хочется купить... альбом Джона Леннона «Imagine»?.. или «Sound Of Silence» Саймона и Гарфанкеля? Или что-то из Марвина Гэя? Может, Боб Дилан? Как раз буквально этим летом, гуляя по Арбату, она забрела в магазин виниловых пластинок, о котором никогда не слышала. Два часа Кира бродила между полками и стеллажами, жалея о невозможности купить хотя бы сингл. Теперь возможность есть. В понедельник как раз будет мало уроков и предостаточно времени для поездки в магазин.

Первый день, как оказывается, высидеть сложно, даже если по расписанию всего семь уроков. Каждую перемену Кира запускает руку в рюкзак и нащупывает заветные бумажки, которые всего через несколько часов превратятся в пластинку с глянцевой обложкой. Один раз вместо трёх купюр оказывается почему-то две, и Кира успевает не на шутку взволноваться, но потом обнаруживает третью – прилипла ко дну кармана. Звенит долгожданный заключительный звонок, и Кира, сама того не ожидавшая, вскакивает с места наравне с нетерпеливыми одноклассниками. «Никогда не думала, что когда-то будет так», – думает она, смеясь над собой. Накинув пальто, она выбегает из школы, перепрыгивает через ступеньки, на ходу обвязывая вокруг шеи шарф, застёгивая

пуговицы и снимая резинку с каштановых волос. Издалека виднеется трамвай, и Кира прибавляет шаг.

Эти хмурые люди даже не подозревают, какая радость теплится в груди Киры. Она сама знает, что люди не придают значения чужой радости. А чему радуется она? Кира не может объяснить этот подъём и хорошее предчувствие. «А надо бы и подумать, какой альбом взять!» – спохватывается она.

Когда Кира входит в магазин, над дверью звенит музыка ветра и как по заказу начинает играть «How Deep Is Your Love» Bee Gees, ассоциирующаяся у неё с Новым годом, вызывая улыбку. Когда-то давно Кира услышала эту песню в магазине и запомнила припев, потрясший её до глубины души. Она долго пыталась найти песню в Интернете, но ей никак это не удавалось. Кира и думать про песню забыла, пока вдруг не послушала сборник «Лучшие хиты Bee Gees» на одном из музыкальных хостингов. Мало что её радовало так же, как эта находка! Кире казалось, всё в жизни будет доставаться ей с таким же трудом, как эта песня, и только тогда, когда это, в отличие от музыки, потеряет всякий смысл.

Мягко освещенное помещение с серыми, словно покрытыми сажей, стенами, напоминает выставку пластинок: здесь даже лучше, чем Кира могла себе представить. Освоившись, Кира идёт мимо альбомов современных исполнителей, записанных на винил для коллекционеров, мимо зала с моечной машиной для пластинок, к огромному залу музыки минув-

шего века.

– Добрый день, вам чем-нибудь помочь? – окликает её молодой человек в чёрной футболке с логотипом магазина на груди слева.

– Нет, с-спасибо, – случайно запнувшись, отказывается Кира и подходит к полкам у стены, над которыми жёлтыми буквами значатся жанры: Джаз, Соул, R&B. Выйдя из-за стеллажей, она замечает знакомую фигуру с чёрным рюкзаком на правом плече. «Очень похож на Женю Алексеева, – думает она и усмехается. – Глупая! Ну откуда бы он здесь взялся, тем более, у полки с джазом? В твоей школе никто, кроме учителей, не любит музыку, которой больше двух лет. Ты обозналась».

Парень уже вертит в руках альбом Нины Симон. И Кира понимает, что слишком долго стоит на одном месте и самое время подойти ближе. В свете лампочки поблёскивает обёрнутая в гладкую плёнку пластинка с темнокожим человеком в красном берете, на которой написано «Let's Get It On». К ней Кира и направляется.

Сравнявшись с парнем, Кира косится на него, пытаясь найти сходство с Женей Алексеевым, и слегка вздрагивает, поняв, что это он. Он сосредоточенно рассматривает выходные данные пластинки Нины, улыбнувшись уголками капризных пухлых губ. Женя поднимает глаза, оглядывая другие пластинки на полке и будто не замечает стоящую в двух шагах Киру. «Совсем увлёкся, – думает она. – Поздоровать-

ся? Или нет?»

– О, привет! Что тут делаешь? – спрашивает он, не дав Кире оклематься. Кире кажется, она подпрыгнула от неожиданности до потолка.

– Эм-м, пришла пластинку купить, – мямлит она.

– Любишь винил? – дружелюбно интересуется Женя.

– Как видишь. Хочу собрать коллекцию, но пока не очень выходит, – признаётся Кира. – Тебе тоже нравится джаз?

– Да... и не только он. Я вообще могу слушать всё: и рок, и соул, и поп. Только не Киркорова и не Стаса Михайлова, – он сам себе смеётся. Стеснение не даёт Кире рассмеяться в голос. – А ты что себе присмотрела?

Кира осторожно снимает с полки «Let's Get It On», боясь уронить.

– «Давай начнём»? Неплохое название для первой пластинки в коллекции, – улыбается Женя. – А я никогда его не слушал!

– Марвина Гэя? – удивляется Кира. Женя подтверждает кивком. – Ты многое упустил.

– Я обязательно это исправлю! – Женя ставит пластинку на полку. – Ну как? Идёшь оплачивать?

– Пожалуй, да, – Кире кажется, что её визит в магазин как-то стремительно завершился, но сказанных слов не воротить. Женя большими шагами направляется к кассе, а девушка плетётся за ним. Улыбчивый кассир быстро выполняет своё дело, но Кира, впервые осмелившись поднять глаза

на Женю, смотрит на него. Он стоит в стороне и рассматривает побрякушки на предкассовом пространстве. «Я совсем ничего о нём не знаю, – думает Кира. – Но я бы хотела с ним пообщаться».

– Спасибо за покупку, слушайте с удовольствием, приходите к нам ещё! – руки протягивают над кассой пакет, и Кира берёт его, не замечая, что над душой стоит Женя. Кира вздрагивает.

– Ты чего? Я такой страшный что ли? – смеётся Женя.

– Ага! – восклицает Кира, двигаясь к выходу.

– Подожди меня! – слышит она крик сзади и останавливается, придерживая дверь. Женя догоняет. – Давай пройдемся по Арбату до «Смоленской»?

Кира ненадолго задумывается, как добраться отсюда домой, и, построив в голове маршрут, отвечает:

– Давай.

Арбат даже по понедельникам далёк от звания пустой улицы, хотя концентрация уличных творцов, трудяг и зевак в этот день меньше, чем, предположим, в субботу. Кира, обнимая пакет с пластинкой, идёт с Женей, лавируя между прохожими. Всюду шум и буйство красок, а головах Киры и Жени бесчисленные вопросы друг другу.

– Почему тебе нравятся пластинки? – первой осмеливается робкая Кира.

– Мне нравится треск и ощущение перемещения в прошлое, – без запинки отвечает он и удивляет Киру совпаде-

нием с её пристрастиями.

– Мне тоже! – восклицает она восторженно. – А какой у тебя любимый альбом?

– Какие у тебя сложные вопросы! – Женя говорит это так, словно по-дружески толкает Киру в бок. – Я не могу так сразу ответить! Я люблю и Джона Леннона, особенно «Imagine», и Pink Floyd, и Саймона и Гарфункеля, и Боба Дилана...

Кира и Женя встречаются глазами.

– Думаю, как и тебе, – добавляет он.

Жёлтые рассеивающиеся лучи поднимаются туманом над исторической улицей. Женя разглагольствует о любимых группах, а Кира смотрит ему в рот и не осмеливается перебить, хотя она всё это знает сама, а потом оба вдруг начинают говорить наперебой. Они проходят мимо Дома актёра и театра Вахтангова, стены Цоя (оба сходятся на том, что их не особо цепляет его творчество), испрещённой цветными записями, мимо памятников Окуджаве и Александру Сергеевичу с Натальей Николаевной Пушкиным и после зала Павла Слободкина поворачивают направо, чтобы пройти в метро, где в новеньком составе они продолжают дискуссию о связи хэви-металла и фолка...

Кира царапает ногтем пленку на пластинке. Волнение в душе нарастает. Лучшее, понимает она, в этом дне уже не пластинка, а встреча с Женей. Он – не сноб из одиннадцатого класса, а такой же, как и она, аллергик на плохую музыку. От разговора о музыке они переходят к живописи и ки-

нематографу, оставляя за собой станции, переходы, эскалаторы и поезда. Женя говорит искренне, восторженно, высказывает свои мысли и догадки, отстаивает свою позицию, размахивает руками в порыве эмоций, внимательно выслушивает Киру, которая всё же предпочитает слушать, держась рукой за прохладный поручень.

Раздаётся сигнал, над дверью мигает красная лампа, и голос объявляет:

– Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Авиамоторная». The next station is¹...

Кире не хочется прерывать Женю, но приходится.

– Следующая остановка – моя. Спасибо тебе за приятную беседу. Я не ожидала, что ты меня узнаешь, – признаётся Кира.

– А я не ожидал, что встречу тебя, – отвечает Женя. Кира смущается и заправляет прядь за ухо, обнажая плавный контур скул. – Можно тебя обнять?

Кира, опешив, соглашается, и Женя осторожно обхватывает её за плечи. Кира неловко прижимает руку к его плечу, чувствуя знакомый с детства запах бельевого шкафа.

– Кстати, тебе очень идут распущенные волосы. Ну что, до завтра?

Кира не находит сил на большее, чем кивок. Поезд резко тормозит и, не успеваешь тот остановиться, двери плавно разъезжаются в сторону.

¹ The next station is... – Следующая станция... (англ.) Зд. и далее прим. автора.

– И не забудь дать послушать пластинку! – слышит она позади себя.

Кира выходит под золотистый потолок станции и оборачивается назад, видя за собой улыбающегося Женю.

Она возвращается домой, где её никто не ждёт. Мама круглыми сутками на работе, чтобы сводить концы с концами, а папа давно ушёл, оставив память о себе лишь в маминых преждевременных сединах и морщинах. Кира открывает холодильник, напротив неё стоят контейнеры с бабушкиной едой, взятой домой вчера вечером, но она их не замечает. Вперившись взглядом в лампочку, она вспоминает женины реплики и его мальчишеский радостный смех, пока предупредительный сигнал не пробуждает её.

Придя следующим утром в школу, Кира долго сидит в холле на диване, читая книгу. Ей хочется убедиться, что он придёт, а книга в руках – для прикрытия. Она время от времени пытается что-то прочесть, чтобы унять волнение, но слова рассыпаются на буквы, теряя смысл. Входная дверь хлопает, Женя проходит через турникеты, не замечая сидящей тут же Киры.

Кира не понимает, в какой момент её сердце уходит в пятки. По всему телу начинают дрожать поджилки, пульсировать венки; стучит в висках. Пройдя между уроками по коридору, она встречает Женю. Он всё приближается к ней, смотря куда-то в пустоту, уже почти проходит мимо, и Кира выпаливает: «Привет!» Он несмело отвечает: «Привет...»

Потом они и здороваться перестают. «Почему?» – не понимает Кира. Она пытается ненароком его подловить и завести беседу, но тот как будто бежит от неё. Она пытается подождать его после уроков, но одиннадцатиклассников в школе нет: Кира заглядывает в расписание и находит, что у них уроки уже кончились. Кира не находит себе места. «Наверное, совсем в учёбу ушёл, а я к нему лезу... или одноклассники засмеяли из-за того, что он общается с девчонкой помладше».

Дни идут своим чередом.

В октябре преподаватель английского открывает элективный курс для сдающих ЕГЭ. Кира понимает, что упустить такой шанс не может. Маме не по карману репетитор или платное место в ВУЗе, надо добиваться всего своим умом, поняла она давно. Если есть возможность получить полезное бесплатно – бери, как говорила мама. Кира идёт записываться и видит в списках имя Жени Алексеева. На душе у неё беспокойно. Она будет видеть Женю каждые вторник и пятницу, тут он не сможет от неё убежать. Но как поговорить с ним? О чём? Она, наверное, его раздражает или чем-то отталкивает, но почему он приближал её тогда в метро, как лучшую подругу?

Женя сидит в сторонке от Киры со своим другом Никитой и даже не смотрит в её сторону. «Что же не так?» – не может понять она. В английском он хорош, в учёбе старателен,

и это в нём Кире нравится, но ей бы больше нравилось, если бы он говорил с ней. «Но он в одиннадцатом классе. Его не надо отвлекать от ЕГЭ своими капризами», – на том Кира и решает обо всём забыть.

К новогодним каникулам школа почти полностью пустеет, что уж говорить об элективах, на которые и так мало кто ходит. Наташа не оставляет попытки отговорить Киру от них, аргументируя это тем, что времени до экзамена полно – целых полтора года. Но Кира не может позволить себе пропустить эти занятия. Они занимают всего час и заканчиваются не позднее половины шестого, Кира всё успевает, хотя в декабре в это время не видно ни зги, потому по возвращении домой больше хочется спать, чем делать уроки. Грипп вообще выкосил половину школы, поэтому на один из последних элективов декабря является всего семеро учащихся, в том числе температурающая Кира. Паша Королёв, ко всеобщему удивлению стабильно являющийся на элективах, весел, здоров и никогда не теряет возможности над кем-то пошутить. Мама Паши Королёва заставляет сына ходить на бесплатный курс в качестве наказания за какой-то проступок. Все об этом знают и кто-то особо отважный не стесняется шутить: «Ну чё, твои родители перестали тебя спонсировать?» Но до поры до времени, пока Паша не пригрозит кулаком, который оказывает устрашающее действие на каждого.

– Кто расскажет, как он выполнил задание на словообразование? – спрашивает молодая учительница, Валерия Оле-

говна. Несмотря на кажущуюся неопытность, она снискала славу отменно готовящего к экзаменам преподавателя.

– Я! – вскрикивает Паша.

– Тогда давай, читай. А вы проверяйте! – обращается Валерия Олеговна к остальным.

– А я пошутил, – Паша откидывается на спинку стула. – Мне ваш экзамен вообще не нужен, за меня батя и так при поступлении заплатит.

– Опроектированное высказывание, – еле слышно произносит Кира в пустоту.

– Ладно, выбор твой, оценки я вам всё равно не ставлю, но систематическое невыполнение задания на пользу тебе не пойдёт. Не всё в этом мире можно купить, Павел.

– Вы ошибаетесь, Валерьева, – насмешливо говорит Паша. – Если не иметь учительскую зарплату!

Пашин возглас встречается одобрительным смехом одиннадцатиклассников: Кирилла, Миши и Алины. Но одобрения терпеливой Валерии Олеговны не вызывает:

– А выйдите-ка вы к доске, Павел, – произносит она строго.

– Всё что угодно ради вас, леди, – Паша встаёт из-за парты и направляется к доске. – А чё делать-то?

– Запишите, пожалуйста, какие формальности нужно соблюсти при написании письма, – преподаватель складывает руки на груди, испытующе глядя на ученика.

– Э-э-э... «Привет»? – звучит смех всё тех же троих.

– Нет, Павел, – откуда-то доносится обработанная до неузнаваемости мелодия Моцарта – рингтон. Валерия Олеговна достаёт из-под стула сумку и ставит её на стол, находит телефон и сосредоточенно вглядывается в экран. – Так, я сейчас выйду, а вы выполняйте упражнение на странице шестьдесят один. Я вернусь, и мы проверим, – обращается она к ребятам, а потом персонально к Паше, – а вы стойте здесь и пишите.

Стоит Валерии Олеговне скрыться за порогом, как все достают из-под столов телефоны и утыкаются в них. Лишь Кира открывает тренажёр и принимается за выполнение упражнения.

– Ну чё, кажется, училку-то я разозлил, – победно восклицает Паша. Кира даже не поднимает глаза, вода носом по тетради.

В понедельник после первого звонка раздаётся тревожный сигнал, удивляя сонных школьников, и из рупора звучит глухой голос Тамары Ивановны:

– Внимание: ученикам десятого и одиннадцатого классов Павлу Королёву, Никите Харитонову, Евгению Алексееву, Кире Зильбер, Михаилу Холодову, Кириллу Башмакову и Алине Михайловской срочно подойти в кабинет директора.

На Киру устремляется двадцать пар глаз.

– Ну иди, – произносит недовольно химичка. Кира отправляется в приёмную, где уже толпятся Женя, Никита

и Миша, дожидаясь остальных героев.

– А что, собсна, не так? – непонимающе спрашивает Миша. Никита и Миша пожимают плечами. Подходят Алина и Кирилл, открывается дверь в кабинет Тамары Ивановны.

– Все здесь? – строго спрашивает она и, щурясь, оглядывает всех.

– Паши нет, – отмечает Миша.

– Паши... – вторит Тамара Ивановна. – Этого Пашу!..

В приёмную вальяжно вваливается Паша.

– А вот и он, явился не запылится, – повышая тон, говорит Тамара Ивановна. – Значит так. В пятницу у Валерии Олеговны украли кошелёк. Это был явно кто-то из вас. Это дело недопустимо, поэтому вы все с родителями приглашаетесь завтра на педсовет, где мы решим вопрос об исключении вора из школы. Понятно?

– А во сколько? – спрашивает Кира.

– В пять часов вечера, – отвечает Тамара Ивановна.

– Извините, моя мама не сможет, она работает... – признаётся Кира.

– Ничего не хочу слышать! – восклицает директор, входя в кабинет. – Счастливо!

– Ну что, Зильбер, доигралась? – пихает её в бок Паша.

– Ты о чём? – непонятливо спрашивает Кира, отстранившись.

– Завтра узнаешь! Не повезло сиротинушке!.. – Паша выходит в рекреацию и скрывается за углом. Все до единого

покидают помещение.

Кира в смятении. Кому понадобилось воровать кошелёк у Валерии Олеговны? Это точно не Женя с Никитой, Паше и так денег хватает, а остальные даже не подходили к столу. На следующий день в кабинете директора собираются учителя и руководители обоих классов, родители учеников, кроме Кириной мамы, и ученики. Кира оглядывает лица присутствующих: Пашино лицо по-прежнему высказывает презрение ко всему окружающему миру, Кирилл и Миша белее стены, родители оглядывают детей подозрительными взглядами, мол: все они жулики, а вот мой ребёнок не такой. Валентина Петровна косится на Киру, её взгляд не выражает никаких чувств. А вот на губах Жени застыла странная ухмылка. И почему он так спокоен?..

– Итак, – произносит Тамара Ивановна, сидя за столом. – Один из этих учеников – вор. Я такого не потерплю, поэтому дело идёт об исключении виновного из школы.

– Почему ж они воры? – вставляет слово пожилая алгебраичка. – Они все хорошие ребята, довольно хороши в математике, ничего плохого не могу сказать!

– Клавдия Варфоломеевна, об их успехах в математике мы ещё поговорим, – усмиряет её директор и обращается к старшеклассникам. – Что скажете в свою защиту?

– Можно мне? – просит слово Паша. – Я уверен, что кошелёк украла Кира. Сами посмотрите: одевается в бабушкино нафталиновое старьё, никогда не ест, отца нет. Она ни-

щая, потому деньги и ворует!

– Я согласна с Пашей, – встревает Арина. – Паше нет смысла воровать, у него и так есть всё что хочешь.

– Кирилл? Михаил? Кира? Никита? – разрезает Тамара Ивановна молчание. Кира смотрит на Женю, который уже пять минут стреляет в неё глазами. Надо же, забыл о ней на три месяца, а теперь ещё и усмехается. Наверняка думает, что она воровка.

– Я подтверждаю слова Паши. Все видели – это была Кира! – соглашается Миша. Кира вздыхает: всё близится к исключению ни за что. Вот же расстроится мама, а может и вообще разозлится. Но это будет не так обидно, если сейчас ещё и Женя скажет, что он видел то, чего не было.

– Паша не виноват... – растерянно добавляет Кирилл.

– Какие ещё есть версии? – спрашивает Тамара Ивановна и обводит глазами всех присутствующих. – Значит, если возражений нет, я вынуждена исключить Киру Зильбер. Честно, не ожидала от тебя такого.

Родители начинают роптать.

– Тамара Ивановна, – вперёд выходит Женя. – Я знаю, кто это сделал, и это точно не Кира. Валерия Олеговна, перед тем как уйти, дала нам задание, а одного из нас вызвала к доске. Рядом с доской стоял стол, на котором была раскрытая сумка. Я уверен, что кошелёк украл тот, кто стоял у доски. Но я не буду говорить, кто это, потому что не хочу выглядеть стукачом. Поэтому исключайте меня, а виновный пусть делает

ВЫВОДЫ.

– Жек, ты так из-за своего благородства по миру пойдёшь. Пора сказать правду! – перебивает его Никита. – У доски был Паша, а эти трое лишь защищают его, потому что боятся. Мне надоело, что Паша нас постоянно третирует. С этим уже надо бороться! Неужели ты хочешь, чтобы тебя в одиннадцатом классе исключили, а Паша продолжал наводить свои порядки? Он не будет делать выводов!

– Вот как! – удивляется Тамара Ивановна и резким движением руки поправляет очки. – Евгений, это правда?

Он вздыхает, желая и боясь ответить. У Киры грудь сжимается от удивления и восхищения Женей.

– Молчи, Женёк, а то ещё получишь! – цедит сквозь зубы Королёв.

– Тамара Ивановна, это правда. Кира не могла такого сделать – она делала упражнение. Она в тот день сделала больше всех заданий – можете проверить тетради, – отвечает Женя.

– Всё, тебе конец, – злобно шепчет Паша.

– С тобой мы в правоохранительных органах разберёмся! Знаешь такую поговорку: на воре шапка горит? – обращается к нему директор, а потом переводит взгляд на Алину и Мишу. – А вы его и прикрываете. Хороши, дружочки.

С дивана вскакивает мама Паши и, цокая, направляется к нему, после чего отвешивает смачный подзатыльник. «У-у-у», – протягивают неслышно Алина, Миша и Кирилл.

– Ах ты мерзавец! – ругается она. – Разве я тебя так вос-

питывала? Быстро иди в машину и не высовывайся!

Паша оглядывает всех хищным взглядом и плетётся на выход. Одиннадцатиклассники смеются. Вот он какой – гроза школы Паша Королёв. Вот молва пойдёт!

Все расходятся, а Кира поддавливает Женю.

– Спасибо, что защитил меня, – благодарит она, встав преградой на его пути.

– Я всего лишь сказал правду, – улыбается он. – Кир, я могу проводить тебя до дома? Как-никак, уже темно, а ты одна.

– Почему нет, – пожимает она плечами. – А как же твоя мама? Ты её отправишь одну?

– Она пойдёт с Никитой и его мамой, – объясняет Женя. Молодые люди молча двигаются к гардеробу и, одевшись, выходят.

– Жень, – обращается Кира после долгого молчания. – Почему ты избегал меня всё это время?

Она вглядывается в его лицо, спрятанное в вечерней темноте. Он прикусывает губу.

– Понимаешь, я не люблю навязываться. А ты девчонка видная, у тебя таких странных мальчиков, наверное, много...

Кира смеётся.

– Пока только один, – продолжает смеяться она.

– Да?! – изумляется Женя. Прибывает трамвай, прерывая их разговор. Молодые люди занимают места, и трамвай рыв-

ком двигается.

– Я собираюсь завтра в магазин пластинок. Не составишь ли компанию? У нас будет поровну уроков.

– Ах ты хитрец, – улыбается Кира. – С удовольствием. Жаль, что я не смогу ничего купить.

– Ничего, смотреть на пластинки – тоже занятие, – он подмигивает. – Тогда я буду ждать тебя завтра у школы.

– Точно? Не убежишь? – Женя смеётся, вторя: «Точно».

На трамвае они доезжают до дома Киры, но Женя настаивает на том, чтобы довести Киру до квартиры. «В подъездах сейчас тоже опасно!» – категорично произносит он. Они поднимаются по еле освещённым ступеням на третий этаж.

– Давай я тебя за смелость чаем угощу? – остановившись у собственной двери, спрашивает Кира.

– Чай? – переспрашивает Женя. – Это я люблю!

Кира, звеня связкой ключей, вставляет один из них в замок, но тот почему-то не поддаётся. Женя и Кира застывают в молчании, в двери начинает щёлкать замок. Свет из прихожей слепит глаза, и его не может загородить хрупкая фигура Кириной мамы, открывшей дверь.

Кира и Женя переступают порог – мама не любит здороваться через него.

– Привет, – устало произносит она. – Как собрание?

– Нормально, – отвечает Кира. – Меня чуть не исключили, но Женя меня защитил. Я пригласила его на чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.